

ГАДЖИЕВ Ханлар Аляр оглы — аспирант кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 3; gadzhiev_hanlar@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматриваются генезис, сущность, характерные черты институционализма и неинституционализма. Раскрываются фундаментальные интерпретационные модели институционального подхода. Приводятся основные теоретические направления трактовки институтов. Помимо этого, автор предлагает собственное видение институтов.

Ключевые слова: институционализм, неинституционализм, институционализация, институт, организация

Политический институт — достаточно сложный феномен, который является незаменимой структурной единицей важнейших общественных сфер. Это обуславливает необходимость всестороннего междисциплинарного подхода к его исследованию. Основными парадигмами, занимающимися изучением институтов, являются институционализм и неинституционализм, которые возникли и развивались в рамках различных социальных наук. Понятно, что в контексте отдельных дисциплин (например, экономики или социологии) институционализм имел собственный объект исследования, но центральная составляющая была единой — это институт. Поэтому в данной работе будут также рассмотрены наиболее важные разработки институционализма в рамках других общественных наук, но имеющие значение для политологии. По мнению автора статьи, это позволило бы более полно и качественно раскрыть понятие «институт».

Для начала оговоримся, что следует разграничивать исследование политических институтов и институциональные исследования. Объясняется это тем, что предметной областью исследования политических институтов являются политические институты, а предметом институционального исследования могут выступать и другие институты [Патрушев 2011: 143]. В данной работе внимание будет сфокусировано именно на исследовании политических институтов.

Институционализм и неинституционализм

Сам термин «институционализм» был введен в 1918 г. У. Гамильтоном в рамках политической экономии и определялся как общепринятый способ мышления или действия, принятый социальными группами и закрепленный в обычаях народов. По мнению У. Гамильтона, институты, устанавливая границы и формы человеческой деятельности, составляют ориентиры для человека, выражающиеся в обычаях и привычках. основоположником институционализма в экономической науке общепризнанно считается Т. Веблен. Также ключевую роль в становлении этого направления в политической экономии сыграли такие ученые, как У. Митчел и Дж. Коммонс. Вклад последних заключается в разработке эмпирического институционализма (У. Митчел) и исследовании взаимодействия экономики и права (Дж. Коммонс) [Нуреев 2010: 69].

Прежде чем рассматривать институционализм с позиции политической науки, стоит отметить, что изучение политических институтов — далеко не новое явление для социально-политической мысли. Начиная с Платона и Аристотеля, оно развивалось на протяжении веков такими мыслителями, как Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Гегель и др. Но на этом отрезке развития в центре внимания, как правило, находилось государство и преобладало государственно-правовое понимание политических институтов. В период с конца XIX — начала

XX в. доминировало представление, в соответствии с которым политические институты рассматривались исключительно как административные учреждения и юридические нормы, т.е. продолжалась традиция формально-юридического понимания институтов. Политическая наука определялась как область знания, занимающаяся изучением государства, его органов и институтов, а политическая жизнь и политика рассматривалась как производная от политических институтов. Однако теперь такое формально-юридическое понимание было дополнено изучением внутренних элементов политических институтов. Этот этап становления политической науки, длившийся до 1950-х гг., определялся как «институциональный», а с 1980-х гг. он получил название «старый институционализм». В качестве основных представителей данного направления принято выделять таких исследователей, как В. Вильсон, Г. Картер, Д. Брюс, Т. Коул и др. [Институциональная политология... 2006: 7].

С появлением в 1980-х гг. концепции «нового институционализма» («неоинституционализма»), толкование понятия «институт» обогатилось за счет теоретической базы других теорий политической науки – бихевиоризма и теории рационального выбора. Именно доминирование последних на протяжении 1960–1970-х гг. во многом способствовало появлению неоинституционализма [Hall, Taylor 1996: 936]. В отличие от прежнего, классического институционального подхода, в новом институционализме политические институты понимаются во взаимосвязи формальных норм и неформальных установок («правил игры»), которые в результате образуют сложные организационные отношения в обществе, обеспечивая в нем стабильность и порядок. Важнейшей, фундаментальной основой нового институционализма являются работы Дж. Бьюкенена, Р. Коуза, Д. Норта, Дж. Марча, Й. Олсена, Дж. Акерлофа, Дж. Стиглица, П. Ди Маджио и У. Пауэлла, Г. Питерса, П. Бергера и Т. Люкмана, Дж. Кэмпбэлла, Н. Леона, Н. Линдберга и др.

Начиная с этого периода, изучение политических институтов вновь заняло центральное место в политической науке [Ротстайн 1999: 160].

Неоинституционализм в рамках политической науки можно свести к трем основным постулатам: 1) институты – полноправные акторы политики, имеющие собственные интересы; 2) институты устанавливают определенные правила поведения человека; 3) институты позволяют оценивать результаты политики и являются ее основными детерминантами [Зазнаев 2005].

Говоря об отличиях институционализма от неоинституционализма, Г. Питерс отмечает, что представители первого течения в основном ограничивались описанием институтов, тогда как неоинституционалисты рассматривают институты как зависимые переменные, взаимодействующие с другими социальными явлениями. Последние, в свою очередь, выступают в роли независимых переменных, влияющих на институты. Исследователь выделяет пять основных направлений нового институционализма.

1. Нормативный институционализм – центральным элементом институционального анализа становится набор ценностей, определяющий поведение членов организаций.

2. Институционализм с позиции теории рационального выбора – институты понимаются как правила, которые, ограничивая поведение индивидов, позволяют аккумулировать и реализовывать их интересы.

3. Исторический институционализм – первоначальный институциональный выбор, совершенный в историческом прошлом, будет оказывать существенное влияние на политический процесс.

4. Социальный институционализм изучает характер взаимодействия между различными социальными группами, а также между государством и обществом.

5. Структурный институционализм во главу исследования ставит сравнение президентских и парламентских режимов, а также федераций и унитарных государств [Питерс 1999: 218].

Основные модели интерпретации институтов

Термин «институт» довольно широко используется в различных социальных

науках и имеет содержательные различия в зависимости от применяемой области знания [Hodgson 2006: 1]. Само понятие «институт» происходит от латинского *institutum*, что означает установление, учреждение, обычай.

Можно условно обозначить две основные теоретические линии интерпретации институтов. Первая из них делает акцент на том, что институт – это некая совокупность норм, правил, установлений и традиций, укоренившихся в обществе, которые упорядочивают и регулируют взаимоотношения между людьми и их поведение.

Д. Норт дает следующее определение: «Институты – это “правила игры” в обществе или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми». Он отмечает, что институты являются не только источником «побудительных мотивов человеческого взаимодействия» во всех основных сферах общества, структурируют повседневную жизнь людей, но они также отражают характер общественного развития. В соответствии с выдвинутой концепцией институты можно разделить на формальные и неформальные. Формальные институты – те, что созданы людьми (например, конституция того или иного государства), неформальные – сложившиеся в ходе общественного развития (общепринятые условности, обычаи) [Норт 1997: 17–19]. Сюда же стоит добавить положение, что институты – это не только правила, но также механизмы, обеспечивающие выполнение этих правил, и нормы поведения [Норт 1993: 73].

Дж. Марч и Й. Ольсен рассматривают институты в качестве устойчивого набора правил и практик, которые практически неизменны и независимы от внешних обстоятельств и ожиданий субъектов. Эти правила не только задают цели и регулируют поведение субъектов в конкретных ситуациях, но также, направляя их поведение, обосновывают и оправдывают необходимость действовать именно таким образом (т.е., согласно этим установкам). Ученые отводят политическим институтам достаточно автономную роль и отмечают, что институты обладают собственными организационными качествами [March, Olsen 2006: 3].

С. Хантингтон определяет институты как «устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения», а институционализацию – как «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость». Рассматривая политические институты, он отмечает, что необходимость в них возникает в сложных, неоднородных обществах. Наравне с политическими институтами исследователь выделяет понятие «общественная сила». Последнее определяется как этническая, религиозная, территориальная или экономическая группа. В обществах, где все принадлежит к одной общественной силе, или в обществах с небольшим числом общественных сил все конфликты разрешаются либо в рамках этих общественных сил, либо за счет доминирования одной общественной силы. В то же время общества, в которых существует большое число неоднородных общественных сил (т.е., в сложных обществах), для обеспечения общественного единства и согласия появляется необходимость в высокоразвитых политических институтах. Кроме того, прочные политические институты позволяют определять и реализовывать общественные интересы, которые, в свою очередь, тождественны интересам общественных институтов. В любом обществе по мере роста разнообразия общественных сил политические институты усложняются и усиливаются. При всем этом обязательным условием создания политических институтов является совместимость интересов социальных групп. То есть, при полном отсутствии общественной гармонии существование политических институтов становится невозможным.

В соответствии с другой теоретической линией институты рассматриваются в первую очередь как общественные объединения, организации, учреждения.

Так, весьма интересную концепцию предложил М. Вебер. По его мнению, институт – это форма социального объединения, в котором общественное поведение упорядочено в своих средствах и целях принятыми установлениями. Поведение отдельного индивида – участника подобного объединения рационально упорядочено и ориентировано на принятые установления. Индивиды «эмпирически считаются “обязанными” участвовать в общностных действиях, конститутивных для данного

сообщества». Соблюдение принятых установлений обеспечивается посредством аппарата принуждения, а вступление индивида в такое сообщество предопределено его рождением и воспитанием, а не добровольным вступлением. При этом делается оговорка, что не каждое социальное образование, участие в котором предопределяется рождением и воспитанием, можно назвать институтом. Например, к таковым было бы неправильно относить языковое или семейное сообщество, т.к. в них нет рациональных установлений. В качестве примеров таких социальных образований М. Вебер приводит государство и церковь. Мыслитель также выделяет понятие «союз», которое в отличие от института основывается на согласии. Таким образом, по общему согласию участники индивиды зачисляются в союзы. Помимо этого, лица, обладающие властью в этих союзах, устанавливают «действенный порядок» по общему согласию, а также обеспечивают соблюдение этого порядка, в т.ч. посредством принуждения. Примером такого союза может служить семейное сообщество [Вебер 1990: 536-537].

С позиции Р. Даля, институты — это организации, которые рассчитаны на длительный период и передаются из поколения в поколение. Выделяя также понятия «политические соглашения» и «укоренившийся порядок», ученый предлагает рассматривать их как более ранние формы институтов. То есть, «первоначально возникающие соглашения постепенно становятся укоренившимся порядком (практикой), а тот в свой черед превращается в институты» [Даль 2000: 83].

Б. Ротстайн интерпретирует политические институты как организации (органы власти, органы управления), которые создаются: а) индивидами для отстаивания общих интересов; б) «некой высшей силой» (правителем, правящей группой) для максимального извлечения выгоды «из эксплуатации подвластной им группы людей в собственных интересах».

Первую форму общественного устройства исследователь обозначает как «правильную», или «демократическую», вторую — как «неправильную», или «диктаторскую». В обоих случаях институты подразделяются на 4 типа: институты законодательной власти, институты исполнительной власти, институты судебной власти, институты принуждения. При этом в зависимости от общественного устройства цель создания каждого из этих типов институтов значительно отличается. Например, если в «демократическом» обществе институты законодательной власти создаются для принятия решений, то при «диктаторском» режиме аналогичные институты необходимы для легитимации власти, а решения принимаются правителем или правящей группой. Отдельно отмечается, что каждый тип институтов власти функционирует в соответствии с правилами, регламентирующими процесс принятия решений [Ротстайн 1999: 149-150].

П. Ди Маджио и У. Пауэлл также интерпретируют институты как организации. Пытаясь объяснить причины возникновения и эволюции институтов-организаций, они разработали концепцию институционального изоморфизма. В соответствии с ней организации в своей совокупности составляют некие организационные поля, которые, постепенно преобразовывая входящие в них организации, делают их схожими. Процесс структурирования организационного поля происходит при наличии четырех условий:

- 1) в процессе функционирования происходит усиление взаимодействия организаций;
- 2) появляются межорганизационные структуры — союзы, объединения организаций;
- 3) возрастает уровень информационной нагрузки на организации;
- 4) организации начинают идентифицировать себя как часть организационного поля, которое способствует их активному взаимодействию с другими организациями.

Процесс, в результате которого организации становятся схожими (гомогенизируются), обозначается понятием «изоморфизм». Постепенно адаптируясь к институциональной среде, институты-организации меняют свои характеристики и в результате становятся изоморфными. Исследователи выделяют два типа изоморфизма: конкурентный и институциональный. При конкурентном изоморфизме

организации стремятся соответствовать рыночной среде и пытаются конкурировать не только в экономической сфере, но также иметь влияние в политической и социальной сферах. Институциональный изоморфизм можно охарактеризовать через следующие механизмы изоморфных изменений: принудительный изоморфизм, подражательный изоморфизм и нормативный изоморфизм. Институциональные изоморфные изменения носят принудительный характер, если они обусловлены формальным или неформальным давлением со стороны других институтов-организаций или же в связи с проблемами легитимности. Подражательный изоморфизм имеет место в том случае, если институты сталкиваются с неопределенностью, и для ее преодоления начинают моделировать себя по образцу других институтов. И наконец, нормативный изоморфизм связан с профессионализацией: для достижения наибольшей эффективности в деятельности институтов-организаций в каждой отрасли появляются определенные профессии. Приведенные виды изоморфизма на практике могут смешиваться, и, как следствие, их становится сложно дифференцировать [Ди Маджио, Пауэлл 2010: 35-37].

На основе приведенных моделей – как первой теоретической линии, так и второй – можно заключить, что при поддержании любой из них за рамками исследования остается довольно большой пласт социальных явлений, которые не включаются в понятие «институт».

В этом смысле достаточно гибка позиция, в соответствии с которой понимание институтов как системы норм и правил и трактовка институтов как организаций являются взаимодополняющими. При этом предлагается рассматривать эти нормы, правила и традиции как более простые и первичные институты по отношению к организациям, которые характеризуются как сложные институты [Ирхин 2014: 64].

На наш взгляд, необходимо проводить жесткую демаркационную линию между двумя основными трактовками института. То есть, было бы недостаточно обоснованным определять институт через два равнозначных, но совершенно разных по самой сути явления (институты как устоявшиеся нормы и институты как организации), тем самым смешивая их. В этой связи справедливо замечание Д. Норта, предложившего вообще различать институты и организации. Последние, по его мнению, можно определить как группу людей, которые объединяются для достижения общей цели. Организациями являются политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения. Институты и организации взаимодействуют и существенно влияют друг на друга. В процессе движения к намеченной цели организации становятся главными агентами институциональных изменений [Норт 1997: 19-21]. Кроме того, в любых организациях или учреждениях (например, партиях, органах государственной власти и т.д.) также есть определенные нормы, ограничения, «правила игры», установления, в соответствии с которыми они функционируют. То есть, институты являются составной, структурной частью организаций, даже, можно сказать, системообразующей. Однако институты отнюдь не тождественны организациям. Организация – более сложное явление. Если рассматривать, например, политическую партию как институт, то речь здесь идет только о системе правил, по которым, в частности, принимаются решения, избирается лидер партии, организуются избирательные кампании и т.д. Сама же партия как некое структурное образование, включающее партийный аппарат, ее членов и прочие элементы, является организацией. Система норм, правил, установлений, относящихся к организации, ограничивается рамками этой организации и по характеру является более жестко очерченной и обязательной. Институты же могут быть предумотренными для неопределенного круга лиц и вовсе не обязательными для индивидов. Помимо этого, стоит отметить, что организации сами способны продуцировать систему норм, установления и ограничительные рамки, которые впоследствии могут стать институтами. В то же время и институты могут выступать в качестве основы для создания организаций. Например, при формировании какой-либо общественной организации или органа власти они конструируются на основе существующих норм, практик и по подобию уже существующих организаций.

Таким образом, столь сильная взаимозависимость и взаимодействие институтов (как устоявшихся норм, правил поведения) и организаций в значительной степени объясняет столь широкую, скорее даже неопределенную интерпретацию институтов (и как устоявшихся норм, и как организаций, учреждений). Однако абсолютно ясно, что эти понятия нельзя смешивать. Тот факт, что эти два явления (институты и организации) чаще всего встречаются как единое целое, не значит, что их невозможно разделять и изучать по отдельности.

В заключение хотелось бы добавить, что на сегодняшний день институциональный подход является не только наиболее популярным направлением изучения политики и политических процессов, но и очень перспективным с точки зрения возможности объяснения социально-политических явлений. Институты в своей совокупности являются одним из основополагающих структурных компонентов любой политической системы. Основной целью создания институтов, как мы выяснили, является возможность агрегирования социальных интересов, упорядочение общественных связей и обеспечение политической стабильности. Это, в свою очередь, свидетельствует о сложности и необходимости дальнейшего исследования этой проблематики.

Список литературы

Вебер М. 1990. О некоторых категориях понимающей социологии. — *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 495-546.

Даль Р. 2000. *О демократии* (пер. с англ. А.С. Богданова). М.: Аспект Пресс. 208 с.

Ди Маджио П.Дж., Пауэлл У.В. 2010. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях (пер. с англ. Г.Б. Юдина). — *Экономическая социология*. Т. 11. № 1. С. 34-56.

Зазнаев О.И. 2005. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке. — *Проблемы политической науки*. Казань: Центр инновационных технологий. С. 3-29.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России (под ред. С.В. Патрушева). 2006. М.: ИСП РАН. 600 с.

Ирхин Ю.В. 2014. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неоинституционализма. — *Ars Administrandi (Искусство управления)*. № 2. С. 63-71.

Норт Д. 1993. Институты и экономический рост: историческое введение (пер. Е.И. Николаенко). — *Thesis: альманах*. Вып. 2. С. 69-91.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* (пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Нуреев Р.М. 2010. *Очерки по истории институционализма*. Ростов н/Д: Содействие-XXI век. 415 с.

Патрушев С.В. 2011. Институциональная политология в российской перспективе. — *Политическая концептология*. № 4. С. 142-148.

Питерс Г. 1999. Политические институты: вчера и сегодня. — *Политическая наука: новые направления* (пер. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой). М.: Вече. С. 218-231.

Ротстайн Б. 1999. Политические институты: общие проблемы. — *Политическая наука: новые направления* (пер. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой). М.: Вече. С. 149-179.

Hall P.A., Taylor R.R. 1996. Political Science and the Three New Institutionalisms. — *Political Studies*. XLIV: 936-957.

Hodgson G.M. 2006. What Are Institutions? — *Journal of Economic Issues*. Vol. XL. No. 1, March. P. 1-25.

March J.G., Olsen J.P. 2006. Elaboration the «New Institutionalism». — *The Oxford Handbook of Political Institutions* (ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder). Oxford University Press. P. 3-20.

GADZHIEV Khanlar Alyar oğly, postgraduate student of the Chair of Political Science and Public Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, bld. 1, Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; gadzhiev_hanlar@mail.ru)

POLITICAL INSTITUTIONS: INSTITUTIONAL AND NEO-INSTITUTIONAL APPROACHES

Abstract. The article is devoted to the genesis, nature, and characteristics of institutionalism and new institutionalism. The fundamental interpretive models of the institutional approach are revealed in the article. The author also provides basic theoretical trends of institutional interpretation, and in addition, offers his own vision of institutions.

Keywords: institutionalism, neo-institutionalism, institutionalization, institute, organization

ПИЩУЛИНА Мария Васильевна – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; mvp2909@gmail.com)

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ВЫБОРОВ КАК КАНАЛА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Аннотация. В современных условиях при господствующей демократической парадигме интерес к механизмам управления возрастает, особенно с точки зрения выполнения ими функций по исполнению «воли народа». Выборы в этом контексте являются одним из каналов обратной связи, обладающим рядом особенностей.

Ключевые слова: выборы, обратная связь, демократия, избирательный процесс, механизм управления

Термин «обратная связь» является междисциплинарным, более того, в социально-гуманитарное знание он пришел из точных наук. Однако к настоящему моменту в научной среде сформировался ряд подходов, характеризующих обратную связь в социально-гуманитарном знании. Общим для них является то, что обратная связь присутствует во всех типах систем [Шабров 2010], в т.ч. социальных. При этом обратная связь понимается как воздействие управляемой подсистемы на управляющую. В демократическом обществе одним из основных каналов обратной связи являются выборы. Они имеют ряд особенностей в этом качестве: во-первых, они являются каналом, институтированным управляющей подсистемой, во-вторых, они являются каналом обратной связи, который предусматривает периодичность и обязательность для системы управления.

Вопрос о способах и методах взаимодействия управляющих и управляемых в политической системе также разрабатывается в рамках огромного числа подходов. С одной стороны, эти группы противопоставлены, с другой – ни одна из них не может существовать без наличия другой. Управляющие вносят организованность в сложную политическую систему, задают ориентиры для ее развития, создают баланс между группами внутри управляемых, имеющих разные интересы. Строго говоря, они несут в себе функционал политической элиты.

Управляемые вынуждены выстраивать свое поведение исходя из правил и норм, установленных в данной политической системе, потому как оно контролируется, а за неисполнение норм следуют санкции. Однако это не означает отсутствие механизмов воздействия объекта управления на субъект управления, одним из которых являются выборы.

С принятием ныне действующей Конституции РФ все выборы формально альтернативны. Не случайно конституционный термин «свободные выборы» в базо-